

Оригинальная статья/Original article

УДК 81.373.2

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.143-154>**Топонимическая картина мира:
гендерные особенности номинации пространства****Е.Ф. Ковлакас**

*Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия
Новороссийский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета,
г. Новороссийск, Россия
amica.2013@mail.ru*

Аннотация

Топонимическая картина мира, являясь компонентом языковой картины мира, наиболее ярко демонстрирует, как люди воспринимают пространство вокруг себя. Это проявляется в виде устойчивых представлений о ландшафтных и географических особенностях территории, тесно связанных с национальным менталитетом. Важную роль в способах самоидентификации человека через географические названия играет гендерный аспект. Отмечается, что топонимы часто отражают специфические мужские и женские характеристики, это подчеркивает значимость гендерного фактора в человеческом восприятии пространства. В настоящей статье при изучении географических названий Адыгеи и Краснодарского края выявлено семантическое пространство «Гендерные отношения». Сделан вывод о том, что номинативные модели имеют антропонимический характер и являются основными механизмами формирования большинства топонимических единиц. Семантическая архитектура поля включает компоненты «Образ мужчины», «Образ женщины» и «Образ рода».

Ключевые слова: топоним, концепт, топонимическая картина мира, концептосфера, языковое сознание, гендерные оппозиции

Благодарности. Автор благодарит Адыгейский государственный университет (г. Майкоп) за помощь в формировании концепции исследования и сборе фактического материала, Новороссийский институт (филиал) АНО ВО Московского гуманитарно-экономического университета (г. Новороссийск) за поддержку научного исследования.

Для цитирования: Ковлакас Е.Ф. Топонимическая картина мира: гендерные особенности номинации пространства // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 5-6. С. 143–154. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.143-154>.

Toponymic worldview: Gender-specific characteristics in nomination of space

E.F. Kowlakas

Adyghe State University, Maykop, Russia
Novorossiysk Institute (Branch) of Moscow Humanitarian Economic University,
Novorossiysk, Russia
amica.2013@mail.ru

Abstract

The toponymic worldview, as a component of the broader linguistic worldview, most clearly demonstrates how humans perceive the surrounding space. It settles upon our established collective ideas about a certain territory, its various landscape and geographical features, that become rooted in the national mentality. In this sense, the process of human self-identification through geographical naming practices is determined in many ways by the gender aspect. Toponyms often reflect specific male and female characteristics, thus highlighting the importance of gender in human perception of the space. This article is based on a study of the usage of geographical names in Adygea and the Krasnodar region. A semantic domain defined as “gender relations” was singled out. Within its semantic structure, components such as “image of man”, “image of women”, and “image of kin” were established. The results obtained show that the identified naming models are anthroponymic in nature and function as the main mechanisms for generating most toponymic units.

Keywords: toponym, concept, toponymic worldview, conceptual framework, linguistic consciousness, gender oppositions

Acknowledgments. Adyghe State University (Maykop) is gratefully acknowledged for the assistance in developing the research concept and collecting the material. Thanks are also extended to the Novorossiysk Institute (Branch) of Moscow Humanitarian Economic University for supporting this study.

For citation: Kowlakas E.F. Toponymic worldview: Gender-specific characteristics in nomination of space. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2025, vol. 167, no. 5-6, pp. 143–154. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.5-6.143-154>. (In Russian)

Введение

Термин «картина мира» включает в себя множество концепций: от интерпретации реальности и осмысления явлений до идеологических конструкторов, от культурно-зависимых эстетических представлений до национально-специфических способов восприятия действительности [1, с. 118]. Ю.Н. Караулов отмечает, что, несмотря на широкое использование, понятие «картины мира» до сих пор функционирует лишь на метафорическом уровне [2, с. 276]. За прошедшие три с лишним десятилетия мы наблюдаем положительную тенденцию в расширении методологической базы для описания мировосприятия. Традиционный подход к пониманию отражения реальности в лингвистических структурах основывается на трехкомпонентной модели: объективная реальность → ментальное восприятие → языковая репрезентация. Данная концепция постулирует безусловную достоверность как когнитивного процесса отражения окружающего мира в сознании индивида, так и последую-

шей вербализации сформированных представлений [3, с. 87]. Вопрос о том, как объективная реальность преломляется в человеческом сознании, имеет фундаментальное значение для нашего существования. Язык, выступая в роли уникального материального воплощения, позволяет объективировать индивидуальное сознание человека как обособленную часть мироздания. Сознание же, по сути, формирует вторичную реальность – особое отражение первичного объективного мира, которое становится доступным благодаря языковым структурам [4, с. 15]. Разнообразие интерпретаций свидетельствует: мировосприятие не является точной копией реальности. Индивидуальное видение мира уникально для каждой личности, поскольку человек создает собственную модель восприятия окружающего. Только совместными усилиями множества людей, всесторонне познающих внешнюю действительность, может быть сформирован действительно целостный и полноценный образ мироздания. Этот коллективный конструкт нивелирует особенности личностного восприятия. Субъективность мировоззренческих моделей преодолевается через лингвистический анализ, когда на основе языковых данных формируется языковая картина мира, устраняющая индивидуальные искажения.

В конце XX в. лингвистическая наука вернулась к человекоцентричным принципам, о которых ранее писал А.А. Потебня [5]. Отличительной чертой российского подхода к антропоцентризму, в сравнении с концепциями Дж. Лакоффа [6], Л. Вайстербера [7] и других западных лингвистов, стал фокус на языковой ментальности, то есть особого внимания требуют психологические и духовные аспекты сознания, отраженные в языке.

Последователи В.В. Колесова используют концепцию ментальности, которая рассматривается как восприятие мира через призму родного языка. В этом процессе познания происходит объединение характерных проявлений национального характера – его интеллектуальной, духовной и волевой составляющих [8, с. 3].

Язык, как утверждает Ю.С. Степанов, необходимо исследовать с учетом его антропоцентрической природы, поскольку вся его структура отражает человеческое измерение и сформирована в соответствии с особенностями человеческого восприятия [9, с. 15]. В языковом отражении мира человек предстает динамичной сущностью, активно преобразующей окружающую действительность. Разнообразные реакции на внутренние и внешние стимулы находят свое место в лингвистической репрезентации бытия. Картина мира, запечатленная в языке, включает целый спектр характерных для человека состояний: от эмоциональных переживаний и желаний до восприятия и формирования мнений. Деятельность человека проявляется в трех фундаментальных формах активности – через физические манипуляции, интеллектуальные процессы и речевую коммуникацию [10, с. 39–40].

В исследованиях, согласно классификации В.А. Масловой, выделяется три ключевых направления: когнитивные аспекты различий между полами, специфика речевого поведения представителей разных гендеров, а также социальные характеристики языковых особенностей мужчин и женщин [11, с. 125]. Лингвистическая норма отождествляется с «мужским» языком, тогда как «женский» воспринимается как отклонение от стандарта. Русское культурное сознание в XVI в. сформировало двойственную концептуализацию женского образа, создав парадигму ментальности, например дуальность понятий подобно оппозициям «правда – истина» или «честь – совесть». В работах по лингвокультурологии проводится анализ женского архетипа через призму паремиологических единиц языка [12, с. 260–269; 13; 14, с. 82–86], в рамках психолингвистики осуществляется изучение специфики ассоциативных реакций с точки зрения половых различий [15, с. 22–34]. Исследование Е.Л. Березович в

области топонимии выявило интересные закономерности в отражении гендерных образов. Женские референции в географических наименованиях проявляются гораздо отчетливее, с детальной анатомической проработкой, что свидетельствует о мужской перспективе в процессе номинации. Редкость топонимов, связанных с мужскими образами, можно объяснить особенностями территориального распределения: пространство за пределами деревенской среды традиционно считалось мужской сферой влияния, тогда как локальные объекты – пруды, болота и ручьи – часто ассоциировались с женским началом. Такое распределение делает мужские номинации малоэффективными для различения объектов, поскольку они не обладают достаточной дифференцирующей способностью в пространственной системе координат [16, с. 46].

Материалы и методы

Исследование гендерных особенностей топонимики (гендерной ономастики) требует комплексного междисциплинарного подхода, сочетающего методы лингвистики, истории, социологии, антропологии и культурной географии.

В ходе исследования нами использовался семантический анализ (изучение значений основ, от которых образованы топонимы). Немаловажными явились историко-архивные методы, такие как картографический анализ (сравнение исторических и современных карт для выявления переименований при смене гендерной маркированности, исчезновения/появления гендерно-окрашенных названий), историко-сравнительный метод (при сопоставлении данных разных хронологических периодов для выявления эволюции гендерного аспекта в топонимии), анализ культурных практик (исследование связи топонимов с ритуалами, фольклором, гендерными нормами общества; это, например, названия, связанные с обрядами инициации, местами, табуированными для одного из полов).

Применение названных методов позволяет реконструировать эволюцию гендерных ролей и статуса в обществе, культурные стереотипы и представления о мужественности/женственности, механизмы формирования культурного ландшафта и коллективной памяти, этнокультурную специфику номинационных практик. Исследование гендерной топонимики – это всегда синтез строгого лингвистического анализа с глубоким погружением в историко-культурный контекст, требующий критического осмысления источников и учета междисциплинарных связей.

Результаты и обсуждение

Современные лингвистические концепции, основанные на человекоориентированном подходе, утверждают, что структура и организация языка непосредственно отражают человеческую сущность. Язык надо исследовать именно через призму его соответствия человеческой природе, поскольку он изначально формировался как инструмент, соразмерный человеку и его восприятию мира [9, с. 15]. В языковых единицах скрыты знания о том, как человек воспринимает и понимает окружающий мир, что становится доступным благодаря антропоцентрическому подходу в лингвистике. Топонимическая картина мира исследуемого региона представляет человека как активное существо, способное к преобразованиям и различным действиям. В этой картине отражаются не только определенные состояния человека – его эмоции, желания, восприятие и мнения, но и три основных типа действий, которые он выполняет: речевые, интеллектуальные и собственно физические.

Языковая картина мира включает также детализированные представления о самом человеке. Современная лингвистика предлагает концепцию «эгоцентрической теории языка»,

подчеркивающую, что языковое мировоззрение преимущественно отражает личностные ответы человека на разнообразные стимулы – как внешние, так и внутренние. Это позволяет утверждать, что эгоцентризм языка существенно превосходит уровень, признаваемый текущими научными парадигмами, значительно усиливая традиционное понимание антропоцентрической природы языковых систем [10, с. 39–40]. В процессе осмысления окружающей действительности индивидуум осознаёт собственную двойственную природу. С одной стороны, человеческое «я» выступает активным исследователем мироздания, с другой – становится объектом изучения для самого себя. Физическая оболочка и мыслительный аппарат занимают промежуточное положение между сознанием и внешней средой.

Мозг со своей сложной системой обработки информации функционирует как уникальное устройство, позволяющее личности не только воспринимать сенсорно-моторные данные, но также систематизировать и интерпретировать полученный опыт. Интересно, что телесная форма, будучи внешней по отношению к сознанию, одновременно служит ближайшим доступным предметом познания для человеческого «я», представляя собой своеобразное вместилище для разума и точку отражения материального мира.

Множество научных работ в области языкознания направлено на изучение того, как человек представлен в лингвистическом восприятии реальности [9; 10; 17–19]. Язык демонстрирует, что ментальный портрет личности включает различные категории характеристик. Эти категории охватывают национальную принадлежность, эмоциональные особенности, гендерные аспекты, профессиональную деятельность, интеллектуальные свойства, религиозные воззрения, черты характера и этические установки как компоненты социального измерения человека [18, с. 35]. В результате детального изучения российских и зарубежных публикаций И.А. Мартыненко приходит к выводу, что специалисты склонны избегать прямого использования понятий «когнитивный топоним» и «когнитивная топонимика», отдавая предпочтение развернутым описательным формулировкам при работе с топонимическим материалом в когнитивном аспекте. Рассматривая необходимость внедрения данной терминологии в научный оборот, автор демонстрирует существующую осторожность в терминологических решениях среди исследователей указанного направления [20].

Хотя топонимическая наука не способна полностью отразить человеческую сущность – мысли, эмоции, идеи и поступки, она сохраняет специфические данные о жителях определенных регионов. Эта информация, требующая подтверждения, обычно скрыта в исторических документах и архивных материалах, недоступных рядовому человеку. Важно отметить, что топонимия выступает хранилищем таких сведений, которые в полном объеме присутствуют только в специализированных текстах.

Безусловно, среди всех разделов науки об именах собственных именно антропонимика содержит наиболее полную информацию о человеке. Языковой знак, максимально ориентированный на человека и теснейшим образом с ним связанный, – это антропоним [21, с. 64]. Географические названия отражают восприятие человеком окружающего пространства и его взаимодействие с ним. Человеческая склонность придавать окружающим объектам человекоподобные черты (антропоморфизм) играет важную роль в том, как мы представляем и воспринимаем пространственные отношения. Именно поэтому изучение топонимов предоставляет особые данные о мировоззрении людей и их воздействии на окружающую среду, раскрывая уникальные способы осмысления и преобразования территорий.

Современные исследования гендерных особенностей топонимической системы акцентируют внимание на классификационных признаках: распределение «мужских» топонимов

по сфере деятельности исторических личностей [22], выделение «пространственной, пространственно-образующей, природноклиматической, физико-географической, культурологической и оценочной характеристик» в топонимической картине мира носителей китайского языка [23], исследование механизмов, влияющих на изменение категориального значения топонимов [24].

Результаты исследований демонстрируют, что центральное место в обозначенном идеографическом поле занимают топонимы, указывающие на территориальную принадлежность. Эти наименования образованы от разнообразных антропонимических источников – личных имен, фамилий представителей обоих полов.

В настоящей работе мы исследуем влияние гендерных аспектов на формирование географических названий Краснодарского края и Республики Адыгея, которые сохранились с древности благодаря народам, некогда населявшим эти территории. Мы ставили своей задачей проанализировать, как этнические группы этих регионов отразили гендерные особенности в топонимической системе Краснодарского края и Республики Адыгея.

Источником материала для наблюдений послужил топонимический словарь под редакцией К. Меретукова [25]. Анализируя адыгскую топонимическую систему, следует подчеркнуть, что для понимания гендерных аспектов географических названий необходимо погружение в духовные традиции и верования народа.

Топонимическая картина мира адыгов обнаруживает параллели с русской системой наименований: обе используют схожие номинативные модели – метонимическую и посессивную. Процесс «земельного утиснения» играл определяющую роль при формировании системы топонимов, так как каждый земельный участок и водный источник были учтены и обозначены. В ходе исследования нами выделены семантические подгруппы географических наименований, среди которых гендерная оппозиция «мужской – женский» прослеживается в 59 адыгских топонимах.

В топонимии Адыгеи и Краснодарского края запечатлены исконные мифологические воззрения и традиционная система верований адыгского народа. Особенность адыгской топонимической картины мира проявляется в антропоморфизации географических объектов и природных феноменов – им приписываются человеческие действия и качества. Многочисленные топонимы этих территорий возникли как маркеры сакральных локаций, имеющих особое значение в культуре адыгов. Например, оронимы: *Тхаб* (*Тхыб*) (адыг.) – «многобожье», *Тхамахинский* (адыг.) – «посвященная Богу роща», *Тхач Большой* (адыг.) – «гора духов», «священная гора», *Тхачегочук* (*ТхьачИгъ чИгу*) (адыг.) – «земля под покровительством богов». В основе топонимов имя *Тха* (адыг. *Тхъа*, *Тхъэихо*, кабард.-черк. *Тхъэ*, *Тхъэихуэ*) – верховное божество у адыгов (черкесов), demiург, хозяин Вселенной, творец всего сущего и происходящего.

В настоящем исследовании человеческий образ анализируется через двенадцать концептуальных категорий. Мы рассматриваем взаимосвязи между различными аспектами: от телесности до национальной идентичности, от числовых концептов до оппозиции «свой – чужой». Особое внимание уделено религиозно-мифологическим представлениям, гендерным взаимоотношениям и социально-профессиональным характеристикам. Семантическая структура также включает перцептивные механизмы, оценочные суждения, ситуативные контексты, действенные компоненты и образные элементы, формирующие комплексное понимание человека как объекта исследования.

В топонимии Краснодарского края и Республики Адыгея основной образ мужчины формируется через географические названия, производные от имен собственных, которые отражают активное взаимодействие человека с пространством. Наименование территории по имени человека служило способом обозначения присутствия и притязаний на местность. По сравнению с другими видами топонимических основ антропонимические занимают доминирующее положение в системе географических названий исследуемого региона. Например, *Бабук* (*Бэмбак*, *Бембач*) (кабард.) – фамилия *Бабыгуэй* («предводитель»), *Гейман* – в честь русского генерала В.А. Геймана, *Дамхури* (абхаз.) – родовое имя *Там*, «Тамовых пастбище», *Джемарук* (*Джэмарыкъу*) (адыг.) – «гора Джемарука», *Ермолов бугор* – в честь царского генерала А.П. Ермолова, *Ефремова пик* – присвоено имя выдающегося географа, путешественника Ю.К. Ефремова. Следует отметить, что русские и адыгские имена представлены достаточно объемно в топонимической картине мира. Этот феномен указывает как на относительно недавний характер заселения территории (начиная с XVII столетия), так и на особые социально-политические условия, сопровождавшие процесс освоения новых земель.

Анализируя географические наименования, можно отметить хронологическую разницу в их появлении. Топонимы, образованные от адыгских имен, возникли значительно раньше. В свою очередь, названия, связанные с русскими героями, сформировались в более поздний период. Данное временное противопоставление двух типологических групп подтверждается как наблюдениями А.М. Селищева [26], так и собственными исследованиями. Примечательна следующая закономерность, фиксирующая человеческий фактор принадлежности территорий. Например, топонимы, производные от имен собственных, указывают на историческую личность, в честь которой они были созданы. Данная классификация включает две разновидности:

– топонимы, сохранившие в себе упоминания о знаменитых адыгах, чья слава преодолела испытание временем и дошла до наших дней из далекого прошлого: «*ст-ца Ахметовская* (легендарный абрек Ахмет), *ст-ца Нижнебаканская*, *ст-ца Верхнебаканская* (в честь легендарного предводителя Беслана Бакана), *аул Джерокай*, *пос. Джанхот* (черкесский уздень Джанхот)» [27, с. 19];

– топонимы, в которых запечатлелись личные имена прославленных казаков, увековечивших себя историческими подвигами и ставших источниками топонимов: «*с. Витязево* (майор Витязь), *г. Гулькевичи* (землевладелец – советник Н.С. Гулькевич), *с. Архипо-Осиповка* (рядовой Архип Осипов), *ст-ца Бриньковская* (в честь генерала Бринько), *ст-ца Варениковская* (в честь Степана Вареника)» [27, с. 20].

Географические названия отантропонимического происхождения составляют большую часть топонимикона, что обусловлено главной целью миграции крестьянства и служилых людей в Краснодарский край – получить землю. Нами отмечена следующая закономерность, сформированная в классификацию.

1. Топоним – личное имя.

В названиях географических реалий зафиксировано множество имен и фамилий. К первой модели относятся названия объектов, образованные от личных имен и представленные в наших материалах рядом номинативных моделей.

В трудных условиях, шаг за шагом осваивались необъятные пространства, и первый мотив номинации – дать свое имя месту, «присвоить» его. Поскольку освоение Кубани шло с севера, в названиях северных рек отмечаются комплексы отантропонимических названий,

свидетельствующие о связи с тем или иным человеком, например: «*пос. Шаумян* (в честь С. Шаумяна), *пос. Лазаревское* (в честь М.П. Лазарева), *ст-ца СтароЩербиновская* (в честь атамана И. Щербины), *аул Хакуринохабль* (в честь революционера М. Шовгенова)» и другие [27, с. 20]. Поясним происхождение последнего топонима. Основателем аула Хакуринохабль был Хьакурынэ Тыгъужь (из семейства Хьакурын), который во время Кавказской войны вместе с братом русского военачальника спас от казни горных абадзехов. В 20-х годах XX в. селение было названо в память погибшего в ауле революционера Моса Шовгенова. А в настоящее время аулу вернули его историческое название.

2. Топоним – родовое имя.

Адыгские сельские поселения часто получали имена в соответствии с двумя ключевыми традициями: они либо увековечивали память значимых фигур, участвовавших в основании аула, управлявших им или владевших местными землями, либо отражали демографическое доминирование определенных фамильных групп или родовых сообществ, составлявших большинство населения данной местности: «*ст-ца Баговская* (родовая фамилия), *ст-ца Баракаевская* (родовая фамилия), *ст-ца Гостагаевская* (родовая фамилия), *пос. Дагомыс* (адыгская родовая фамилия)» [27, с. 18].

3. Топоним – этническое имя. Нам представляется, что данная группа тоже связана с мужскими именами.

Территория Кубани, ставшая позже одним из мест формирования славянских племен, вошедших в состав русского народа, имеет богатое историческое прошлое. В географических названиях современной Адыгеи отражается сложная этническая история региона, в котором на протяжении веков сменялись и взаимодействовали различные народы и племена. Этот древний край стал местом, где в результате длительных исторических процессов сформировался адыгский этнос, оставивший глубокий след в культурном наследии региона: например, «*Меоты – р. Абин – “абун” – племя меотов, Абхазцы – г. Аибга, с. Аибга – кабардинское название абхазцев, Аланы – г. Ассара – “ассы” – племя аланов, предков осетин, г. Оскол – “ос” – самоназвание алан*» [27, с. 17].

Родоплеменные отношения составляли основу социальной структуры адыгов. Уникальность этнических территорий подчеркивалась особыми названиями, формировавшимися из-за географической разобщенности поселений. Внутренние клановые взаимоотношения способствовали созданию целостной системы морально-этических норм. Патриотические чувства побуждали племена к консолидации перед лицом внешних агрессоров, что нередко приводило их к триумфу над противниками. Фундаментом нравственного кодекса всего этнического сообщества стали единые ценностные ориентиры, сформированные в результате многочисленных социальных интеракций.

Топонимические наименования, связанные с женскими именами, встречаются на исследуемой территории крайне редко. Интересно, что семантика таких названий, в отличие от мужских топонимов, указывает лишь на принадлежность: например, «*ст-ца Анастасиевская* (в честь княжны Анастасии), *с. Ольгинка* (в честь великой княжны Ольги), *г. Екатеринодар* (в честь императрицы Екатерины)» [27, с. 20]. Появление женского имени в географическом названии часто связано с особыми социальными обстоятельствами: значимостью личности или христианской традицией.

Географический характер топонима-имени раскрывает свой потенциал только когда мы можем связать его с реальными людьми или целыми родами. Исследуя истоки и смысл топонимического имени, мы открываем дополнительные сведения о персонах или семействах,

которые его носят. Имя теряет свою семантическую ценность в случаях, когда отсутствует привязка к конкретному индивиду или фамилии. Впрочем, даже если публике неизвестен конкретный носитель такой фамилии, но знакома группа или род, к которому он относится, топоним сохраняет информативность, включая пространственный контекст, и может эффективно использоваться.

Заключение

Когда объект или личность приобретают выдающееся значение, их имя может перейти из узкого круга узнаваемости в общественный символ широкого признания. Изначально имя функционирует в ограниченном контексте из-за специфики того, что оно обозначает. Со временем, получая все большую известность, такое имя трансформируется в самостоятельный символический элемент, который обогащает свою смысловую нагрузку в общественном восприятии и расширяет культурные границы своего влияния.

Выделенные нами имена-топонимы становятся центральными элементами, вокруг которых формируются различные интерпретации и значения внутри определенных концептуальных категорий. Персональная номинация индивида приобретает символическое измерение, отражающее социальный контекст его существования. Несмотря на кажущуюся автономность, имя собственное обретает полноценный семантический потенциал и репрезентативную функцию исключительно в рамках общественной среды, становясь не просто личным идентификатором, но и социокультурным маркером.

Антропонимы, будучи уникальными знаковыми элементами, занимают особое положение в топонимической микросистеме Краснодарского края и Республики Адыгея. С точки зрения практического применения распространенные имена не являются определяющими в системе географических обозначений. Это закономерное явление объясняется тем, что имя не только выполняет функцию идентификации конкретных мест, объектов, событий или явлений, но и служит своеобразным маркером, сохраняющим связь с историческим прошлым. Историческая информация, заключенная в имени, становится ценным материалом для междисциплинарного анализа, включающего такие области знания, как этнография, лингвистика, история, география, а также культурологические и этнокультурные исследования.

В географических наименованиях современной Адыгеи и Краснодарского края прослеживается глубинная связь с их специфическим историческим наследием. Уникальность региональной идентичности, отличная от общероссийских паттернов, проявляется в топонимике территорий, где часто встречаются имена влиятельных личностей и семей, сыгравших определяющую роль в формировании этнокультурного облика этих земель. Выбор названий мест отражает особое отношение местных жителей к своему историческому прошлому, подчеркивая самобытность культурной памяти региона и ее отличие от общенациональных тенденций восприятия идентичности.

В рамках локального сообщества социальная взаимосвязь формируется прежде всего через общественное восприятие имен индивидов. Оценка личностного вклада в культурное наследие данной социальной группы становится фундаментальным критерием, через который преломляется значимость каждого члена. Таким образом, топонимы трансформируются в центральный элемент социальной коммуникации и идентификации в пределах конкретного социума.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Литература

1. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.; отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 108–140.
2. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.
3. Серебренников Б.А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др.; отв. ред. Б.А. Серебренников. С. 70–86.
4. Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Под ред. Л.М. Шахнарович. М.: Наука, 1990. 103 с.
5. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М: Высш. шк., 1990. 342 с.
6. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1987. 632 p.
7. Weisgerber L. Zweimal Sprache. Duesseldorf: Schwann, 1973. 228 S.
8. Фролов Н.К. Лексико-семантические типы топонимизированных географических апеллятивов в русских диалектах Тюменского Приобья // Аспекты вузовской русистики. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1998. С. 17–24.
9. Степанов Ю.С. Язык и метод. К соврем. философии языка. М.: Языки рус. культуры: Кошелев, 1998. 779 с.
10. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Вост. лит., 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
11. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Academia, 2001. 202 с.
12. Телия В.Н. Русская фразеология: семантические, грамматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.
13. Кирилина А.В. Женский голос в русской паремиологии // Женщина в российском обществе. 1997. № 3. С. 23–26.
14. Шишигина О.Ю. Вербализация концепта «женщина» в английской фразеологии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 140 с.
15. Горошко Е.И. Языковое сознание (ассоциативная парадигма): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 609 с.
16. Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: этнолингвист. исслед. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 1998. 335 с.
17. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2004. 237 с.
18. Пименова М.В. Символы культуры и способы концептуализации внутреннего мира человека (концептуальная метафора дома) // Концепт. Образ. Понятие. Символ: к 70-летию проф. В.В. Колесова / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. С. 35–60.
19. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187с.
20. Мартыненко И.А. К вопросу о термине «когнитивная топонимика» // Russ. Linguistic Bull. 2020. №3 (23). С. 55–60. <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.23.3.15>.
21. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 232 с.
22. Евстифеев Р.В., Евстифеева Г.Г. Городские гендерные режимы в зеркале критической топонимики // Наука. Культура. Общество. 2025. № 2. С. 111–128. <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.9>.
23. Пылкова А.А., Цзин Лян. Лингвокультурные особенности китайской топонимической лексики (на примере годонимов и агоронимов) // Эпоха науки. 2021. № 25. С. 242–250. <https://doi.org/10.24412/2409-3203-2021-25-242-250>.

24. Корнева В.В., Разворотнева И.Н. Топонимы в заголовках медиатекстов (на материале испанского языка) // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 83-89. <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/83-89>.
25. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп: Качество, 2003. 424 с.
26. Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 97–128.
27. Ковлакас Е.Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2009. 51 с.

References

1. Ufimtseva A.A. The impact of vocabulary in human perception of reality on the development of linguistic worldview. In: Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postovalova V.I., et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [Human Factor and Its Role in Language. Language and Worldview]. Serebrennikov B.A. (Ed.). Moscow, Nauka, 1988, pp. 108–140. (In Russian)
2. Karaulov Yu.N. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian Ideography]. Moscow, Nauka, 1976. 355 p. (In Russian)
3. Serebrennikov B.A. Does language reflect reality or express it in a symbolic way? In: Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postovalova V.I., et al. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [Human Factor and Its Role in Language. Language and Worldview]. Serebrennikov B.A. (Ed.). Moscow, Nauka, 1988, pp. 70–86 p. (In Russian)
4. Kolshanskii G.B. *Ob'ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke* [Objective Worldview in Cognition and Language]. Şakhnarovich L.M. (Ed.). Moscow, Nauka, 1990. 103 p. (In Russian)
5. Potebnja A.A. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical Poetics]. Moscow, Vyssh. Shk., 1990. 342 p. (In Russian)
6. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, IL, Univ. of Chicago Press, 1987. 632 p.
7. Weisgerber L. *Zweimal Sprache*. Düsseldorf, Schwann, 1973. 228 S. (In German)
8. Frolov N.K. Lexical and semantic types of toponymic geographical appellatives in the Russian dialects of the Tyumen region of the Ob River. In: *Aspekty vuzovskoi rusistiki* [Aspects of Russian Studies in Higher Education]. Tyumen, Izd. Tyumen. Gos. Univ., 1998, pp. 17–24. (In Russian)
9. Stepanov Yu.S. *Yazyk i metod. K sovremennoi filosofii yazyka* [Language and Method. On Contemporary Philosophy of Language]. Moscow, Yazyki Russ. Kul't., Koshelev, 1998. 779 p. (In Russian)
10. Apresjan J.D. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. II: Integral description of language and systematic lexicography. Moscow, Vost. Lit., 1995. 767 p. (In Russian)
11. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Academia, 2001. 202 p. (In Russian)
12. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskie, grammaticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* [Russian Phraseology: Semantic, Grammatical, and Linguoculturological Aspects]. Moscow, Yazyki Russ. Kul't., 1996. 284 p. (In Russian)
13. Kirilina A.B. The female voice in Russian paremiology. *Zhenshchina v Rossiiskom Obshchestve*, 1997, no. 3, pp. 23–26. (In Russian)
14. Shishigina O.Yu. *Verbalizatsiya kontsepta "zhenshchina" v angliiskoi frazeologii* [Verbalization of the Concept "Woman" in English Phraseology]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2006. 140 p. (In Russian)
15. Goroshko E.I. Linguistic consciousness (associative paradigm). *Dr. Sci. (Philology) Diss.* Moscow, 2001. 609 p. (In Russian)
16. Berezovich E.L. *Toponimiya Russkogo Severa: etnolingvisticheskoe issledovanie* [Toponymy of the Russian North: An Ethnolinguistic Study]. Yekaterinburg, Izd. Ural. Univ., 1998. 335 p. (In Russian)
17. Kolesov V.V. *Yazyk i mental'nost'* [Language and Mentality]. St. Petersburg, Peterb. Vostokoved., 2004. 237 p. (In Russian)
18. Pimenova M.B. Cultural symbols and methods for conceptualizing the human inner world (the conceptual metaphor of home). In: *Kontsept. Obraz. Ponyatie. Simvol: k 70-letiyu prof.*

- V.V. Kolesova* [Image. Concept. Symbol: On the 70th Anniversary of Professor M.B. Pimenov's Birth]. Pimenova M.V. (Ed.). Kemerovo, IPK "Grafika", 2004, pp. 35–60. (In Russian)
19. Nikitina S.E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness]. Moscow, Nauka, 1993. 187 p. (In Russian)
 20. Martynenko I.A. On the term "cognitive toponymy". *Russian Linguistic Bulletin*, 2020, no. 3 (23), pp. 55–60. <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.23.3.15>.
 21. Golomidova M.V. *Iskusstvennaya nominatsiya v russkoi onomastike* [Artificial Naming in Russian Onomastics]. Yekaterinburg, Ural. Gos. Pedagog. Univ., 1998. 232 p. (In Russian)
 22. Evstifeev R.V., Evstifeeva G.G. Urban gender regimes through the lens of critical toponymy. *Science. Culture. Society*, 2025, vol. 31, no. 2, pp. 111–128. <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.9>. (In Russian)
 23. Pylkova A.A., Jin Liang. Linguocultural features of Chinese toponymic vocabulary (a case study of honyms and agonyms). *Epokha Nauki*, 2021, no. 25, pp. 242–250. <https://doi.org/10.24412/2409-3203-2021-25-242-250>. (In Russian)
 24. Korneva V.V., Razvorotneva I.N. Toponyms in headings of media texts (based on the Spanish language). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, no. 4, pp. 83–89. <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/83-89>. (In Russian)
 25. Meretukov K.Kh. *Adygeiskii toponimicheskii slovar'* [Adyghe Toponymic Dictionary]. Maykop, Kachestvo, 2003. 424 p. (In Russian)
 26. Selishchev A.M. Origin of Russian last names, given names, and nicknames. In: *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Prosveshchenie, 1968, pp. 97–128. (In Russian)
 27. Kovlakas E.F. The formation of the toponymic worldview: lexical pragmatic and ethnocultural aspects. *Extended Abstract of Dr. Sci. (Philology) Diss.* Krasnodar, 2009. 51 p. (In Russian)

Информация об авторе

Елена Федоровна Ковлакас, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры общего языкознания, Адыгейский государственный университет; доцент кафедры таможенного дела и международных отношений, Новороссийский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

E-mail: amica.2013@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0655-3952>

Author Information

Elena F. Kovlakas, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Doctoral Student, Department of General Linguistics, Adyghe State University; Associate Professor, Department of Customs and International Relations, Novorossiysk Institute (Branch) of Moscow Humanitarian Economic University

E-mail: amica.2013@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0655-3952>

Поступила в редакцию 15.04.2025

Принята после рецензирования 10.06.2025

Принята к публикации 15.08.2025

Received April 15, 2025

Revised June 10, 2025

Accepted August 15, 2025